

Имя Вольфа Мессинга широко известно. «Психологические опыты», с которыми этот интереснейший человек выступает уже более двадцати пяти лет, неизменно привлекают многочисленных зрителей. Суждения о его способностях и умении весьма разнообразны и противоречивы. По мнению одних, он чуть ли не ловкий фокусник, другие считают его сильнейшим телепатом. В науке сейчас нет единой точки зрения на телепатию — прямую передачу информации от одного мозга к другому. Мессинг написал книгу о своей жизни, встречах, о своей работе. Мы предлагаем вниманию читателей в сокращенном виде главу из этой книги, в которой он рассказывает о существе и механизме своих способностей так, как он их понимает. Полностью книга печатается в журнале «Наука и религия».

МОЕ искусство гипноза выходит за рамки общеизвестного, и, значит, я не имею права молчать об этом.

Гипноз не относится, как телепатия, к области неисследованных свойств психики. Однако наука о гипнозе до сих пор мало у нас известна.

Я не буду останавливаться подробно на истории гипноза и на его сущности. Отмечу только, что он имеет весьма отдаленное происхождение. Еще в Древнем Египте жрецы использовали его для своих целей. Было в гипнозе нечто таинственное и непонятное. Умелое его применение в те времена не могло не поражать ум, не укреплять веру в сверхъестественные силы.

Знаменитые целительные сеансы Месмера — врача, жившего во второй половине XVIII века, — гипноз. И так велика была сила гипнотического воздействия этого человека, что даже предметы, к которым он прикасался, приносили иной раз «исцеление».

Привести себя в гипнотическое состояние — к этому направлены, по существу, принятые во многих религиях многократные повторения простой и краткой молитвы, вроде «Святый боже, помилуй мя». Когда эта фраза повторяется сотни и тысячи раз, наступает гипнотическое состояние. Прибавим к этому и бесчисленные поклоны, отбываемые перед иконами.

Современная наука различает три стадии гипноза. Первая из них — сонливость. Человек, находящийся в этой стадии гипноза, испытывает потребность покоя, необычайную тяжесть тела, ему трудно открыть глаза. Именно в этом состоянии прослушивается большинство верующих длинные церковные службы (да еще идущие на непонятном латинском языке, как это принято, например, у католиков, или на плохо понятном церковнославянском — в православии).

Когда, заходя в церкви, особенно католические, я видел людей, часами в неудобной позе стоящих на каменном полу, распростертых на ступенях, прижимающихся лбом к подножиям распятий, я не мог отделаться от мысли, что эти люди находятся во второй стадии гипноза — в состоянии так называемой гипотаксии.

При гипотаксии отмечается состояние восковой гибкости тела. Любой его части можно придать сложное положение, которое крайне трудно было бы сохранять обычно, но которое совершенно необременительно для человека в таком состоянии.

Наконец, третья стадия гипноза — сомнамбулизм, когда загипнотизированный полностью отрешен от всех внешних раздражений, кроме команды человека, приведшего его в это состояние.

В состоянии гипноза огромную власть над психикой человека и над его телом приобретает слово гипнотизера. Такую, какой не имеет над своим телом воля его владельца. Заставьте себя, скажем, не чувствовать ожога, когда к вашей руке приложат зажженную папиросу! А

мне приходилось видеть этот жестокий опыт, нередко демонстрировавшийся в цирках панской Польши. Или, наоборот, попробуйте внушить себе, что обыкновенный карандаш — раскаленный в огне прут, которым жгут ваше тело. А на руке загипнотизированного человека, когда к ней прикасаются таким карандашом, возникает жва от ожога!

Загипнотизированному алкоголику, внушали отвращение к водке. Я видел в этот момент его желудок на экране рентгеновского аппарата. Он сокращался, яростно стремясь вышвырнуть якобы находящуюся в нем отраву, хотя в нем ничего не было. Попробуйте-ка в обычном состоянии заставить свой желудок проделать какие-нибудь движения!

Загипнотизированному говорят: — Перед вами сосуд с ледяной водой. Опустите в нее руку. Вашей руке нестерпимо холодно...

И хотя вода в сосуде имеет температуру 45 градусов выше нуля, рука загипнотизированного покрывается мурашками, кровеносные сосуды резко сужаются. Это фиксируется показаниями приборов...

Общее объяснение гипнозу найдено учеными. Оно заключается в торможении коры больших полушарий головного мозга. Такое торможение может происходить по разным причинам — естественным и искусственным. Ну, скажем, человек потерял дар речи под влиянием сильного испуга, язык и гортань не повинуются ему. Произошло мгновенное торможение того участка коры головного мозга, который заведует речью. Однако под влиянием нового сильного возбуждения этот участок мозга может растормозиться. Такое сильное возбуждение способен вызвать и гипнотизер.

Большинство «чудесных исцелений», которые приписываются «святым» мощам или источникам, основаны именно на таком внушении. И все же гипноз — еще мало изученное явление. Множество проявлений его не так-то просто объяснить торможением участков коры больших полушарий.

А теперь о том, как я сам применяю гипноз, какими формами внушения владею.

Я УЖЕ приводил несколько примеров, когда мне требовалось мгновенно внушить ту или иную мысль, то или иное ощущение. Вспомните случай в берлинском экспрессе, в который я пробрался с восемнадцатью грошами в кармане, без билета. То, что произошло потом, не было телепатией. Это было внушением: я бессознательно внушил контролеру, что поданный ему обрывок газеты — проездной билет.

Нечто подобное позволил я себе еще раз через много лет, уже в Советской стране, когда мне довелось беседовать с одним очень высокопоставленным человеком. После разговора этот человек, видимо, в шутку, сказал:

— Ну, товарищ Мессинг, сможете ли вы выйти отсюда, если я не подпишу вам пропуск?

Дух озорства заиграл в моей душе:

— Без этой бумажки? Возьмите ее на память!..

— А вас не смутит мое дополнительное предупреждение охране?

— Сколько угодно!

Набрал телефон коменданта, отдала команда: «Не выпускать Мессинга без отмененного пропуска». Секретарю поручено идти за мной в десяти шагах, но не вмешиваться в мои действия.

Когда я через несколько минут вышел на улицу и посмотрел на окно кабинета на третьем этаже, в котором только что состоялся этот разговор, я увидел в нем фигуру моего недавнего собеседника. Дух озорства еще не уснул, и я помазал ему рукой...

Эти факты должны по меньшей мере подвергнуть сомнению бытующее передко мнение, что под влиянием гипноза человек не способен совершить поступок, противный его моральным убеждениям, его совести.

Помню, где-то я читал, как ставились эти опыты: загипнотизированному дали в руки пистолет (заряженный, конечно, холостым патроном) и скомандовали выстрелить в прохожего. И тот не смог.

Но ведь можно заставить загипнотизированного представить, что он стреляет не в прохожего, а в движущуюся мишень в цирковом тире! Наверное, я не смог бы внушить контролеру желание провезти безбилетного пассажира, то есть совершить служебное преступление. Но мне удалось убедить его, что клочок бумаги — это и есть мой билет. Внушение не вступило в борьбу с долгом.

Точно так же я убежден, что не смог бы внушить людям, охранявшим входы в здание, намерение нарушить свой долг и пропустить незнакомого им Мессинга. Но мне не составило труда внушить им, что я их начальник, которого они хорошо знают.

Мои моральные принципы не позволили мне, кроме приведенных здесь случаев, использовать эту способность мгновенного внушения для того, чтобы заставить кого бы то ни было нарушить свой служебный долг. Но, видимо, встречаются люди, обладающие и не столь твердыми моральными принципами.

БУДЕТ неправильно, если я умолчу о том, что свои способности гипнотизера я нередко использовал для лечения психических болезней еще в те далекие времена, когда не знал ничего о сущности гипноза, не знал научных рекомендаций, а руководствовался здравым смыслом и обстоятельствами. Возможно, рассказанное мной встретит возражения специалистов; возможно, меня упрекнут в неправильных действиях, но что было, то было.

У одного польского графа (дело происходило еще в панской Польше) началось очень странное психическое заболевание. Ему представилось, что в его голове свили себе гнездо... голуби.

Обращались к врачам. Но граф отказывался лечиться — он считал, что его стремятся заманить на операцию, во время которой разрежут голову пополам. Тогда обратились ко мне.

Я не стал убеждать больного, обращаясь к его здравому смыслу. Наоборот, принес с собой на первую же встречу длинную блестящую трубку на треноге — вроде переносного телескопа — с какими-то колесиками и винтиками. Установил

ее и посмотрел сквозь эту трубу на голову больного.

— Да, граф, — сказал я, — вы правы. У вас в голове — голубиное гнездо. И — преогромное.

— А разве я сомневаюсь в этом? И день и ночь крыльями хлопают... А тут как-то к ним кошки забралась. Вот был переполох! Я думал, у меня голова лопнет...

— Могу выгнать ваших ненормальных жильцов и притом так, что они не вернуться.

— Буду весьма обязан...

Еще раз посмотрев в трубу, «пересчитав голубей», «прикинув», как лучше их выгнать, я вернулся домой.

На другой день граф прислал за мной с раннего утра.

— Вывелись голубята, — объявил он почти радостно.

Снова пошла в ход труба — кстати, в ней не было даже очкового стеклышка. Появление голубят было подтверждено. На другой день была назначена решительная чистка графской головы.

Заранее договорившись с родственниками графа, я провел в его сад трех моих помощников с живыми голубями в руках. Завязав больному глаза, свел его вниз. По моему знаку один из помощников выпустил голубя, а я выстрелил перед лицом больного из пистолета. Затем достал из кармана заранее умертвленного голубя и сунул ему в руку.

— Один готов, — сказал я. — Если бы я его не застрелил в воздухе, он мог бы вернуться. А теперь — кончено...

Так повторялось еще два раза. Потом я позволил больному снять с лица повязку и открыть глаза. Он собственноручно в моем присутствии закопал птиц в своем парке.

Голова у него оставалась чистой в течение нескольких лет, пока суть происходящего не раскрыл ему один знакомый, полагая, что граф излечился навсегда. Узнав истину, тот с криком схватился за голову... С тех пор голуби поселились в ней снова до самой смерти. Думаю, средств излечить его вторично уже не было...

Что это? Шарлатанство? Нет, гипноз, внушение. Просто я средствами, доступными пониманию больного, уничтожил его болезнь. Точнее, внушил ему, что он не болен... Человек поверил мне.

Гипнозом я внушаю отвращение к алкоголю, к папиросам и вообще к табачному дыму, к другим наркотикам.

Только должен сказать сразу,

профессионально я этим не занимаюсь — обращаться ко мне с просьбами об излечении не следует. Если вы хотите бросить пить — пейте больше и все. Если не хватает силы воли — обратитесь к врачам. У них есть сейчас великолепные средства лечения самых застарелых алкоголиков... Если вы хотите бросить курить — не курите и все. Не верю, что есть на свете хотя бы один человек, который, собрав всю свою волю, не мог бы в течение года не брать в рот папиросу. А после этого, даже если он и возьмет ее, она не доставит ему удовольствия.

Я много курю. Но когда идут сеансы внушения отвращения к табаку, бросаю курить, не могу переносить даже самого слабого запаха папиросного дыма.

Вот и все о гипнозе. Но мне хочется еще раз повторить ту же мысль, что не раз высказывал на этих страницах. Гипноз — область очень мало изученная. А изучение ее может открыть нам необыкновенные возможности.

Я живу в небольшой однокомнатной квартире, в новом доме, в одном из новых районов Москвы. Возвращаясь с утренней прогулки, достаю из почтового ящика газеты. Устраиваюсь на диване, разворачиваю их. Так же, наверное, как это делаете в свой выходной день и вы, читатель. И так же, как и всех, меня взволновали и расстроили одни сообщения, обрадовали и воодушевили другие. Современный человек не может не жить жизнью всего земного шара, достижения науки и техники сделали его таким маленьким.

Мое свободное время — это те часы, которые посвящены отдыху: интересной повести, опубликованной в журнале, размышлениям над новыми экспериментами, игре с моими четвероногими друзьями. Это как раз и те часы, в которые писалась моя книга.

Я люблю все виды театрального искусства — от драмы и оперы до цирка и эстрады. Я был знаком с выдающимися актерами — с Шалепиным, Михоэлсом, Вертинским и многими другими. Раньше каждый свободный вечер я проводил в театре, на концерте или в цирке. Сейчас я нередко вместо этого сижу у телевизора.

Завтра у меня снова выступление. С утра надо будет собирать силы, сосредоточиваться... Снова надо становиться Вольфом Мессингом. Это нелегко!